

Василий Пьяница

Плаваются-переплавляются через сине море
Два тура однорогие,

Златорогие и одношерстные.

Стречает их родная матушка турица,

Однорогая и златорогая, и одношерстная:

— Вы здравствуйте, детушки родимые!

— Благодарствуем, матушка родимая!

— Где же вы, туры, побыли и где пожили?

— Были мы в Ахте-городе и в Арахове,

Во славном стольном городе во Киевым,

У той были церкви соборныя.

Выходила душа красна девица,

Выносила на руках мала вьюноша,

Клала она на горюч камень,

Сама жалела, слезно плакала.

Мать говорила:

— Глупые вы, туры, неразумные,

По лесу ходите — не знаете вы зверей,

По людям ходите — не знаете вы людей.

Не душа к вам красна девица выходила,

Выходила к вам мать пресвятая богородица,

Выносила на руках книгу евангелье,

Клала она на престол Христов,

Сама бы жалела и слезно плакала.

О вы, детушки родимые,

Постойте за столь(ный) Киев-град

И за дом пресвятую богородицу,

За ту же церковь соборную!

Наступает собака Подольский царь

Со своей со силою со неверною,

Со неверною силою с бусурманскою,

У него силы много множество:

Во межевый день черно ворону не облетати,

Во темную, в осеннюю ночь

Серому волку не обрыскати.

Никого во Киевском не годилось,
Ни князей, ни бояров,
Ни русских сильных богатырей могучих.
Весма князь закручинился,
Повесил свою буйну голову
Во батушка во кирпичен пол.
Кручиной ему не откручиниться,
Печалью ему не отпечалиться.
Посылал он слуг верных
По Васеньку голь кабатскую.
Слуги не ослушались, тотчас пошли:
— Ступай-ко, Васенька,
Тобя князь зовет.
— На что он меня зовет, на что требует?
На то Васька не ослушался,
Приходит ко князю ко Владимиру:
— На что ты, князь, звал, на что требовал?
— Сослужи-ко, Васенька голь кабатская,
Службу несносную!
Наступает собака Подольский царь
Со своей силой со неверной, с бусурманскою,
Силы у него много множество...
Берет Васенька узду тесмянную,
Выходит Васенька голь кабатская
Ко князю на конюшну,
На которого коня руку накинёт — накорачь падает.
Выбрал он по себе коня доброго,
Надевает узду тесмянную,
Накладывает ковры сарачинские,
Седлает он седельшко черкатское,
Шелковых двенадцать подпруг,
Но не для красы — ради крепости.
Берет палицу буювую пятьдесят пудов,
(В)стает он во стремешко булатное,
Садился во седельшко черкатское,
Выбегает он во далече, чисто поле,
Забегает он в силу бусурманскую.
Вперед бежит — делает улицу,
Повернется — делает переулочек.

Выбивает силу бусурманскую.

Бусурманской царь во побег пошел,

За ним Васенька погнался.

Провещился конь мудрым человеческим языком:

— Не бегай, Васенька голь кабатская,

В землю бусурманскую,

Не бегай в землю бусурманскую,

Земля бусурманская хитра-мудра,

Не быть нам обоим живым!

Обратился Васенька во Киев-град,

(В)стречает Васеньку Владимир-князь

С честью, с радостью:

— Чем я тебя, Васенька, буду жаловать?

Возьми ты города с пригородками,

Возьми терема с притеремками!

— Не надо мне города с пригородками,

Не надо терема с притеремками,

Отдай мне три погребя:

Первый погреб — зелена вина,

Второй погреб — пива пьяного,

Третий погреб — сыты медвяной.

— За тем тебе, Васенька, слова нет!

(Записал А. Аздебников в с. Ординском Барнаульского у.)

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока, 1991.